

Максим Д. Шраер

СПАСЕНИЕ ЕВРЕЙСКО-РУССКОГО МАЛЬЧИКА: РАССКАЗЫ НАБОКОВА
В ОЖИДАНИИ КАТАСТРОФЫ

В серии работ, опубликованных по-английски и по-русски с 1997 по 2001 гг., я высказал мысль о том, что еврейские образы, темы и коллизии занимают ключевое положение в биографии и творческом мировоззрении Набокова¹. Впоследствии Эйдриан Куртин и я

¹ Maxim D. Shraer/Максим Д. Шраер, Death, Immortality, and Nabokov's Jewish Theme // The Nabokovian. 1997. № 38. Spring. P. 17-25; «Souls of the Dead»: Reflections on Nabokov's Jewish Theme // Proceedings of the Fifth International Conference of the International Society for the Study of European Ideas (ISSEI) [Электронный ресурс, CD-ROM] / ed. Frank Brinkhuis and Sascha Talmor. Utrecht; Cambridge: University for Humanist Studies; MIT Press, 1998; Jewish Questions in Nabokov's Art and Life // Nabokov and His Fiction: New Perspectives / ed. Julian W. Connolly. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 73-91; Еврейские вопросы в жизни и творчестве Набокова // Wiener Slawistischer Almanach. 1999. № 43. P. 109-128; Еврейские вопросы в жизни творчестве Набокова // Шраер М. Д. Набоков: темы и вариации / пер. с англ. Веры Полищук при участии автора. СПб: Академический проект, 2000. С. 250-271, 344-346; «В своих книгах вы продолжаете окуна́ться в ледяную глубину»: неизвестное письмо 1936 г. С. И. Розова В. В. Набокову // Солнечное сплетение 2001. № 16-17. С. 199-205 (в соавторстве с Ю. Левингом); более поздний вариант перепечатан в: С другого берега. 2001. №1. С. 39-46; «Набоков, еврейский вопрос и журнал «Новое литературное обозрение» [Электронный ресурс] // Zembla. 2001. September. URL: <http://libraries.psu.edu/nabokov/shranlo.htm> (дата обращения: 20.10.2010); перепечатано как: О невыпячивании пятого пункта [Электронный ресурс] // Kuritsyn Weekly. URL: <http://www.guelman.ru/slava/texts/shraer.htm> (дата обращения: 20.10.2010); Interlude: Literature Is Love // Shraer Maxim. D. Waiting for America: A Story of Emigration. Syracuse: Syracuse University Press, 2007. P. 178-185.

Среди ученых и критиков, писавших о еврейских темах и/или вопросах у Набокова, отметим следующих: Appel A. Jr. Notes // Nabokov V. The Annotated Lolita / ed. Alfred Appel, Jr. New York: Vintage Books, 1991. P. 372, 435-436, 448; Косман Л. Владимир Набоков и еврейство // New American/Novyi amerikanets. 1988. 1.12. С. 47-48; Toker L. «Signs and Symbols» in and out of Contexts // A Small Alpine Form: Studies in Nabokov's Short Fiction / ed. Charles Nicol and Gennady Barabtarlo. New York: Garland, 1993. P. 167-180; Anderson D. Nabokov's Genocidal and Nuclear Holocausts in Lolita // Mosaic. 1996. 29. P. 73-90; Leving Y. [Левинг Ю.] Phantom in Jerusalem, or the History of an Unrealized Visit // The Nabokovian. 1996. Fall. № 37. P. 30-44 [как Yuri Zavyalov-Leving]; Левинг Ю. Набоков в Иерусалиме (История несостоявшегося визита) // Jews and Slavs / ed. Wolf Moskovich et al. Vol. 6. Jerusalem; Ljubljana, 1999. P. 373-388; Leving Y. Samuel Izrailevich: Pnin's Character, Nabokov's Friend // The Nabokovian. 1997. № 39 (Fall). P. 13-17 [как Yuri Zavyalov-Leving]; Левинг Ю. Тенишевцы Владимир Набоков, Осип Мандельштам, Самуил Розов: пересечения // Русское еврейство в зарубежье / сост. М. Пархомовский. Vol. 1 (VI). P. 142-162; Левинг Ю. Набоков, который рядом (Письма к С. И. Розову, 1945-1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. P. 142-160; Diment G. Pnin: Vladimir Nabokov and Marc Szeftel. Seattle: University of Washington Press, 1997; Мальшиева С. Прадед Набокова, почетный член Казанского университета // Эхо веков. [Казань], 1997. № 1/2. С. 31-134; Урбан Т. Набоков в Берлине / Пер. с нем. С. В. Рожновского. М.: Аграф, 2004 (перевод книги: Urban T. Vladi-

вернулись к этому вопросу, исследовав влияние Набокова на В. Г. Зебальда (W. G. Sebald, 1944-2001) – немецкого писателя, прожившего большую часть жизни в Англии – в связи с этической проблемой существования искусства после Аушвица². Позвольте мне вкратце изложить аргументы и предположения, которые я высказал относительно еврейских и иудейских связей Набокова. Сын В. Д. Набокова, одного из ведущих защитников прав евреев в царской России, Владимир Набоков осмысливал еврейские вопросы и возвращался к ним на протяжении всего своего берлинского периода, в 1920-1930-е гг., как в личной жизни (в браке с еврейкой Верой Слоним), так и в профессиональной работе русского литератора-эмигранта. Опыт создания эпизодических и второстепенных персонажей-евреев в 1920-е гг. предшествовал написанию главных героев-евреев в прозе Набокова 1930-х гг.³ Роман «Дар» (1937-1938; полный текст издан в 1952) изобилует примерами еврейских и иудейских тем. Вспомним еврейско-русскую музу главного героя Зину Мерц и криптоиудеев Чернышевских, а также выпуклую картину самодовольного русского антисемитизма; эти примеры следует рассматривать как на историческом фоне еврейской жизни русского Зарубежья, так и на фоне подъема нацизма в Европе. Роман переходного периода, «Истинная жизнь Себа-

mir Nabokov – Blaue Abende in Berlin. Berlin : Propyläen, 1999); *Сендерович С., Шварц Е.* Старичок из евреев // Russian Literature. 1998. Is.3. Vol. 43. P. 297-328; *Сендерович С., Шварц Е.* Набоковский парадокс о еврее // Парадоксы русской литературы: сборник статей, Т. 3. СПб: Инапресс, 2001. P. 299-317; *Brodsky A.* Nabokov's Lolita and the Post-War Émigré Consciousness // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков =100 / Сост. Ирина Белодубровцева и др. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000. P. 371-390; *Brodsky A.* Nabokov's Lolita and the Postwar Émigré Consciousness // Realms of Exile: Nomadism, Diasporas, and Eastern European Voices / ed. Domnica Radulescu/ Lenham, MD: Lexington Books, 2002. P. 49-66; *Conley T.* History and Denial in Nabokov's «Conversation Piece, 1945» // Journal of the Short Story in English. 2005. № 45. P. 113-121; *Goldman S.* «Nabokov's Minyan»: a Study in Philo-Semitism // Modern Judaism. 2005. 25.1. P. 1-22 [судя по этой статье, Гольдман недостаточно знаком с исследованиями набоковедов]; *Durantaye L. de la.* Eichmann, Empathy, and Lolita // Philosophy and Literature. 2006. № 30. P. 311-328; *Левинг Ю.* Разбирая бред, или кто поможет Чернышевскому? // Nabokov Online Journal. 2007. Vol. 1. URL: http://etc.dal.ca/noj/articles/volume1/LEVING_Decoding_Delirium_3.pdf. (дата обращения: 20.10.2010).

В своей двухтомной биографии писателя Брайан Бойд приводит многочисленные факты, проливающие свет на тему «Набоков и еврейство»; см.: *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press, 1990; *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton: Princeton University Press, 1991. Стейси Шифф в своей биографии Веры Набоковой приводит важные фактические сведения о еврейском происхождении жены Набокова; см.: *Schiff S.* Véra (Mrs. Vladimir Nabokov). New York: The Modern Library, 2000.

Еврейские персонажи и мотивы Набокова, а также его отношение к антисемитизму, неоднократно становились предметом обсуждения на набоковском Интернет-форуме NABOKV-L. Особый вклад в дискуссию внесли Earl Samsom, Galya Diment, Dmitri Nabokov, Rodney Welch, Charles Nicol, Ryan Asmussen, Joshua Roberts, Christine Cavitt, Sylvia Weiser Wendel (в марте-апреле 1997 г.); Anthony Stadlen, Александр Долинин и Yuri Leving (в декабре 2004 г.); Andrea Pitzer (в июне 2009 г.).

² *Curtin A., Shroyer M. D.* Netting the Butterfly Man: The Significance of Vladimir Nabokov in W. G. Sebald's The Emigrants // Religion and the Arts. 2005. 9.3-4. P. 258-283.

³ Примеров второстепенных или эпизодических персонажей-евреев, а также еврейских и иудейских аллюзий в художественных произведениях и других текстах Набокова великое множество; для их подробного перечисления потребовалось бы отдельное исследование.

стьяна Найта» (написанный в 1939 г. во Франции и опубликованный в 1941 г. уже в США), где в качестве авторского представителя фигурирует еврейский беженец Зильберманн, уже подготавливает почву для англоязычной прозы, созданной Набоковым во время и после Шоа (Катастрофы; Холокоста). В качестве исследователя еврейской памяти после Холокоста Набоков не знает себе равных как в послевоенной англо-американской, так и в эмигрантской литературе 1940-1950-х гг. – начиная с рассказов «Что как-то раз в Алеппо...», (1943), «Образчик разговора, 1945» (1945) и «Знаки и символы» (1948) до романа «Пнин» (1957), в котором этика и метафизика поиска спасения в искусстве измеряется неизмеримыми потерями евреев и взвешивается на сломанных весах мировой истории. (Анна Бродская убедительно проанализировала в этом контексте «Лолиту» как ключевой роман, написанный Набоковым в Америке после Катастрофы)⁴.

В рамках этой работы я хотел бы представить новые текстуальные доказательства того, до какой степени Набокова волновала и мучила еврейская тема. На этот раз я сосредоточусь на его русскоязычных рассказах⁵. Есть основания полагать, что некоторые указания на набоковское метафизическое исследование иудаизма и на его интерес к языковым, этническим и историческим аспектам еврейства можно найти уже в рассказах 1920 – начала 1930-х гг. К примеру, рассказ «Пасхальный дождь» («Easter Rain», 1924; опубл. в 1925), одно из ранних произведений берлинского периода, приглашает читателя задуматься о следующем: проявился ли у Набокова (в генетической памяти которого присутствовали еврейские отголоски⁶) интерес к еврейской и иудейской темам еще до женитьбы на еврейке или же был вызван знакомством и сближением с ней? (Владимир Набоков и Вера Слоним познакомились в 1923 г. в Берлине и поженились 15 апреля 1925 г.) В рассказе «Пасхальный дождь» некая Жозефина Львовна, ранее служившая гувернанткой в петербургском семействе, доживает свой век на берегах озера Леман в Швейцарии и предается воспоминаниям о своем прошлом в России. (Частичным прототипом Жозефины Львовны стала швейцарская гувернантка детей Набоковых, Сесиль Миотон, приехавшая в Россию из Лозанны). Жозефина Львовна знает по-русски всего несколько слов и едва владеет русским алфавитом. Тем не менее, накануне Пасхи она решает расписать пасхальные яйца. (В русском языке одним и тем же словом «Пасха» обозначается как православный, так и иудейский религиозный праздник, контекстуально или с прибавлением уточнений «православная» или «еврейская».)

⁴ Brodsky A. Nabokov's Lolita and the Post-War Émigré Consciousness // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков = 100» / сост. Ирина Белодубровцева и др. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000. С. 371-390.

⁵ Все русскоязычные произведения Набокова, если это не оговорено особо, цитируются по изданию: *Набоков В. В.* Собр. соч. русского периода: В 5 тт. СПб. : Симпозиум, 1999-2001); далее ПСС с указанием римскими цифрами номера тома, арабскими – страницы. Англоязычные рассказы Набокова цитируются по: *Nabokov V. The Stories of Vladimir Nabokov* / ed. Dmitri Nabokov. New York : Vintage Books, 1997. XVI, 663 p.; далее Stories. Если не указан источник русского перевода, то перевод выполнен Верой Полищук.

⁶ О еврейских предках Набокова со стороны Козловых, см. *Мальшева С.* Прадед Набокова, почетный член Казанского университета // Эхо веков. [Казань], 1997. № 1/2. С. 31-134.

Жозефина Львовна пытается написать на крашеной скорлупе яйца русские буквы «Х» и «В», традиционно означающие «Христос Воскресе». Набоковский рассказчик сообщает, что буква «Х» у нее кое-как получилась, а вот «В» она не осилила, запуталась, и вышло «нелепое кривое Я» (ПСС, I, 77). Это, в свою очередь, заставляет Платоновых, ее русских соседей-эмигрантов, заметить «Что это она еврейские инициалы заката...» (ПСС, I, 77-78) Обратим внимание на то, что слова эти, иронически хмыкнув, произносит господин Платонов, чья фамилия перекликается с именем великого древнегреческого философа. Указывает ли реплика Платонова на антисемитизм? Так или иначе, чета русских эмигрантов отказывается разделить с швейцаркой (и, вероятно, протестанткой) слезы пасхальной радости. Однако важно другое: с какой целью набоковский рассказчик упоминает еврейские (ивритские) инициалы? Если Платонов, рассматривая яйцо, различает ивритские буквы в кривом «Я» и «Х», то Набоков, возможно, подразумевает несколько букв ивритского алфавита, а именно Гимель Gimel (ג) или Тет (ט) или даже Куф (ק), — в зависимости от того, насколько криво и неудачно написана «Я», и в какую сторону обращена. Что же касается «Х», Набоков, скорее всего, имеет в виду Алеф (א). Но и это не более чем первый слой раскопок. Я готов предположить, что с помощью реплики Платонова о «еврейских инициалах» (а, заметим, он говорит именно «инициалы», а не «буквы»), полиглот Набоков маркирует свой интерес к иудаизму и в еврейским корням христианства, приглашая читателя истолковать сочетание «Х» и «Я»⁷. Мое предположение заключается в том, что и фонетически, и графически «Х. Я.» указывает на Тетрограмматон יהוה (Йод-Хе-Вав-Хе, Й-Х-В-Х [Yod-He-Vav-He, YHWH]), который в иудейской традиции не произносят со времени разрушения Храма в 70 г. н.э., и который в тех местах, где он возникает в библейских текстах, в повседневном употреблении (как в устной, так и в письменной речи) принято заменять словом «Адонай» («Г-сподь мой»).

* * *

Обратимся к одному из самых лучших набоковских рассказов среднего периода, «Совершенство» («Perfection»), написанному в июне 1932 г. Рассказ этот особенно нравился Вере Набоковой⁸. В этом рассказе русский репетитор-эмигрант спасает еврейско-русского мальчика⁹. Я полагаю, что в «Совершенстве», написанном в Берлине меньше чем за два года

⁷ О иврите у Набокова см.: *Левинг Ю.* Разбирая бред, или кто поможет Чернышевскому? [Электронный ресурс] // Nabokov Online Journal. 2007. Vol. 1. URL: http://etc.dal.ca/noj/articles/volume1/LEVING_Decoding_Delirium_3.pdf (дата обращения: 21.10.2010.); *Полищук В.* Комментарии // ПСС, II, 701; *Антоничева М.* О роли двойной иллюзии в романе Набокова «Король, дама, валет» [Электронный ресурс] // Заповедник. 2005. № 61. Янв. URL: <http://zapovednik.litera.ru/N61/page06.html> (дата обращения: 20.10.2010).

⁸ См. *Field A. VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov.* New York : Crown Publishers, 1986. P. 150.

⁹ Опираясь на наблюдение Владислава Ходасевича, Эндрю Филд указал на то, что «<...> если рассказ «Облако, озеро, башня» представляет собой послесловие к роману «Приглашение на казнь», то «Совершенство», возможно,

до рождения сына Дмитрия (род. 10 мая 1934 г.), Набоков уже предчувствует ужасный сценарий Катастрофы и в то же время поручает своему избранному представителю Иванову, идеализированному русскому интеллигенту, спасти Давида не только от физической смерти, но и от ассимиляции и утраты двойной, еврейско-русской принадлежности.

В кратком примечании к «Совершенству» в англоязычном сборнике «Истребление тиранов и другие рассказы» (1975 г.), Набоков писал: «Несмотря на то, что у меня действительно были мальчики-ученики в годы эмиграции, на том мое сходство с Ивановым и заканчивается»¹⁰. Исследователи жизни и творчества Набокова установили личности берлинских учеников-евреев Набокова и изучили возможные параллели между Ивановым и его создателем. Среди набоковских еврейских подопечных были Александр Зак, Сергей Каплан, Михаил Горлин (будущий поэт, литературовед и муж поэтессы Раисы Блох¹¹); все

служит к нему предисловием» (*Field A. VN. P. 150*). В своем интригующем исследовании темы, названной «набоковский парадокс о еврее», Савелий Сендерович и Елена Шварц в 2001 г. предложили, что в «Совершенстве» Набоков задействовал теории Вячеслава Иванова и Николая Евреинова, — в том, как «разыграна коллизия» маленького Давида и его репетитора Иванова (*Сендерович С., Шварц Е. Набоковский парадокс о еврее // Парадоксы русской литературы: сборник статей. Т. 3. СПб: Инапресс, 2001. С. 299-317*).

¹⁰ Цит по: *Stories*, 648. Габриэль Шапиро предположил, что «упоминания о «райском востоке» (*Stories*, 338)» в описании средневековых географических карт в рассказе «Совершенство» можно толковать как скрытую манифестацию авторского присутствия; см: *Shapiro G. Setting His Myriad Faces in the Text: Nabokov's Authorial Presence Revisited // Nabokov and His Fiction: New Perspectives / ed. by Julian W. Connolly. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 21*). Обратим внимание на то, что для своего идеализированного протагониста Набоков выбирает самую распространенную русскую фамилию. Когда эта фамилия относится к личности заурядной, ударение традиционно ставится на последний слог («Иванóв»), а когда носитель ее наделен дворянским происхождением или какими-то особыми культурными или историческими заслугами, то ударение принято ставить на второй слог («Ива́нов») — как, например, в фамилиях Вячеслава Иванова и Георгия Иванова (литературного врага Набокова в эмигрантских кругах). Замечательное стихотворение Георгия Иванова «Портной обновочку уютжит» (из цикла «Rayon de Rayonne») содержит игру на смещении ударения; главный герой — эмигрант, портной в обычной жизни, но поэт в душе. На протяжении стихотворения автор, чтобы развенчать персону поэта, намеренно называет его «Иванóв», помещая фамилию в рифмовочное положение.

¹¹ Михаил Горлин (1909-1943); Раиса Блох (1899-1943). Горлин был моложе Блох на десять лет; вместе с семьей эмигрировал из Петербурга в 1918 г. В 1933 г. он защитил диссертацию на тему «Гоголь и Э. Т.-А. Гофман» под руководством выдающегося немецкого слависта Макса Фасмера. Писал и публиковал стихи на немецком, в которых присутствовали еврейские темы. Поэзия Блох и Горлина пронизана взаимовлиянием авторов друг на друга. В рецензии на сборник стихов Р. Блох «Мой город» (1928), опубликованной в берлинской газете «Руль», Набоков писал: «Так что в конце концов, все это золотистое, светленькое и чуть-чуть пропитанное (что, увы, в женских стихах почти неизбежно) холодноватыми духами Ахматовой) может на непридирчивого читателя произвести впечатление чего-то легкого, простого, птичьего («Руль», 7 марта 1928, ПСС, II, 653); подробнее о набоковских рецензиях на книги авторов-эмигранток см.: *Шраер М. Д. Был ли Набоков женоненавистником? / пер. с англ. Вера Полищук // Revue des Études Slaves. 2000. 72. 3-4. P. 531-540*). Горлины уехали из Германии в 1933 г., обосновались в Париже, а в 1935 г. поженились. Второй сборник стихов Раисы Блох, «Тишина: стихи 1928-1934» (1935) был принят публикой и критиками благосклонно. В 1939 г. стихи Блох вошли в сборник «Заветы: стихотворения» вместе со стихами средневега Мирры Лот-Бородиной (1882–1957). Вскоре после начала нацистской оккупации Франции, в 1941 г., Горлин был арестован, затем отправлен в силезские соляные копи, где и умер в 1943 г. Шестилетняя дочка Горлиных, Дора, умерла в 1942 г. В ноябре 1943 г. Раиса Блох попыталась пересечь швейцарскую границу

вместе и каждый в отдельности они могли внести свою лепту в формирование образа Давида. В августе 1926 г. Набоков сопровождал на балтийский курорт Бинц, что на острове Рюген, троих отпрысков семьи Бромберг в возрасте от 10 до 16 лет. Бромберги были родственниками Веры Набоковой¹². Эти факты немаловажны, но меня в этой работе занимает другое.

Что, собственно, нам известно о происхождении и самоидентичности Давида? Давид с родителями живет в Веймарском Берлине. Он – мальчик из семьи, принадлежащей к состоятельному среднему классу. Его мать, как мы с готовностью заключаем, еврейка из России. С отцом Давида несколько сложнее. Остается не вполне понятным, эмигрант ли он, подобно матери Давида, или же уроженец Германии. Неясно также, еврей он или нет. В английском переводе рассказа автор вместе с сыном-переводчиком Дмитрием Набоковым добавил к характеристике матери Давида такой штрих: «русская супруга берлинского дельца» (Stories, 340). Давид описан как «fair-haired» (в русском варианте еще определеннее, «белокурый» (ПСС, III, 591), у него «бледно-серые» глаза, так что его внешность не соотносится с фенотипическим расовым стереотипом еврея-левантийца (ПСС, III, 591, 594; Stories, 338, 340). Более того, Давид отнюдь не изображается как шаблонный еврейский мальчик, обожающий всяческое ученье; учится он скверно, неохотно, зато пылко увлекается спортом. Мы узнаем, что дома Давид в основном говорит по-немецки и отказывается говорить по-русски даже с матерью: «По-русски он изъяснялся с трудом и скукой» (ПСС, III, 593). Между прочим, в английском переводе этой фразе предшествует добавление «он вырос за границей» (Stories, 340), которое актуализирует возможность того, что родился Давид в России, а в Германию был увезен маленьким ребенком. С подобными языковыми сложностями сталкиваются все эмигрантские дети, а заставить их сохранить и не утратить родной язык – нелегкая задача для родителей, особенно в двухкультурных и двуязычных семьях. Обратим внимание на то, что, хотя Иванова наняли преподавать Давиду основные школьные предметы, мать мальчика особенно упрашивает репетитора заниматься с подопечным русским языком: «Главное, я хочу, чтобы он побольше разговаривал по-русски» (ПСС, III, 594; Stories, 341). Давид, который уже успел основательно онемечиться, отвергает русский язык (а вместе с ним и свои русские корни и культуру) как нечто бесполезное.

под чужим именем, однако швейцарские пограничники выдали ее нацистам. Она была отправлена в концентрационный лагерь Дранси, затем депортирована в концлагерь в Германии, и точные обстоятельства ее смерти неизвестны. Набоков, знавший Блох и Горлина по Берлину, впоследствии явно сожалел о резкости своей рецензии. Я ранее указывал на то, что эти сожаления, вероятно, отчасти подтолкнули Набокова к созданию образа Миры Белочкиной в романе «Пнин» (1957 г.), – образа, в котором, возможно, сплавлены Раиса Блох и Мирра Лот-Бородина. Гибель Миры в концлагере Бухенвальд дает русскому протагонисту романа, Тимофею Пнину, причины жить и помнить. См.: *Shrayer M. D. An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry, 1801-2001, vol. 1. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2007. P. 462-463.*

¹² См. Комментарий Юрия Левинга к рассказу «Совершенство» в: ПСС, III, 801. См. также: *Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 242-243; 254; 262.*

Но какое место занимают в самосознании Давида иудейские традиции и еврейское происхождение? Здесь приходится положиться на несовершенное искусство контекстуальных интерпретаций. По Галахе (еврейский религиозный Закон) Давид – еврей, но получает ли он еврейское воспитание? Задача, которую мать Давида поручает Иванову, по сути корреспондирует с тем, что происходило во многих семьях образованных евреев-эмигрантов, живших в Европе в межвоенный период. Для перегруженного «я» многих еврейских эмигрантов из России, воспринимавших себя одновременно русскими, евреями и немцами, или одновременно русскими, евреями и французами и т.д., гораздо важнее было добиться, чтобы их дети продолжали чувствовать себя русскими по культуре, сохраняли русское наследие. Эта цель, культивирование русскости (как видно из примера Давида и его матери в рассказе), нередко занимала многих родителей больше, чем воспитание еврейского культурного самосознания вне основополагающих пределов даваемого ребенку иудейского религиозного образования. Иванов воспринимает возложенную на него миссию очень серьезно: он постоянно беседует с Давидом по-русски и старается заинтересовать мальчика, приучить смотреть на мир глазами русского интеллигента – сквозь призму русской культуры. В этом отношении, как русский эмигрант и набоковский идеализированный русский интеллигент, Иванов вероятно видит свою задачу в том, чтобы спасти не до конца сформированного еврея Давида от (неправильной) аккультурации на немецкий манер. Можно сказать, что Иванов старается уберечь Давида от потери той восторженной, незамутненной, всеохватной русскости, ценность и цельность которой и воплощает в рассказе сам Иванов. Но нельзя не заметить, что, стараясь уберечь Давида от этой утраты, Иванов одновременно стремится спасти своего подопечного от потери уникального еврейско-русского «я», в котором иудейские религиозные, исторические и этнические параметры сосуществуют и сочетаются с русскими культурными и языковыми гранями личности.

Идентичность Давида в рассказе Набокова настойчиво требует исторического прочтения: «Совершенство» написано в 1932 г. накануне прихода нацистов к власти, и этот исторический момент составляет фон рассказа. Кроме того, мне представляется важным и то, что в рассказе отражаются тревожные раздумья самого Набокова о том, какая участь ждет в Германии его будущих детей, мать которых – еврейка, еврейка из России. Несколько сложнее, опираясь на текст рассказа, расположить идентичность Давида – и факт его спасения Ивановым – на оси христианско-еврейских отношений. Тем не менее, в рассказе присутствуют в высшей степени эмблематичные упоминания о географических «картах христианского средневековья <...> с райским востоком наверху и с Иерусалимом – золотым пупом мира – посередине» (ПСС, III, 592; *Stories*, 338), а также о паломничествах и путешествиях православных монахов в Палестину, к Святой Земле. Уже одно то, что Иванов по образованию географ, придает этим отсылкам особую значимость и ценность. Картографирование физического пространства служит в рассказе не только способом подробного соот-

несения угрызений совести Иванова и его метафизических болей в сердце¹³. Сведения, хранящиеся в памяти Иванова – составные части увесистого багажа православного христианина, русского и эмигранта – включают и карты христианской юдофобии. Тем более символичным становится спасение Ивановым своего юного еврейского подопечного Давида¹⁴.

Читатель приобретает новую смысловую глубину, попытавшись увидеть происходящее глазами Иванова – как буквально, так и аллегорически. Вот как Набоков описывает размышления Иванова, мающегося бессонницей в арендованной комнате на Балтийском курорте, которую он делит с Давидом: «...Иванов смутно думал о многих вещах зараз и между прочим представлял себе, что мальчик, спящий на соседней кровати, – его сын. Десять лет тому назад, в Сербии, единственная женщина, которую он в жизни любил, чужая жена, забеременела от него, выкинула и через ночь, молясь и бредя, скончалась. Был бы сын, мальчишка такого же возраста. Когда по утрам Давид надевал купальные трусики, Иванова умиляло, что его кофейный загар внезапно переходит у поясицы в детскую белизну» (ПСС, III, 596; *Stories*, 343).

Набоков проецирует свое воображаемое, еще не пережитое отцовство на героя рассказа. Однако Набоков не был бы самим собой, если бы перенесенная на чужого ребенка, хотя и неподдельная отцовская любовь не смешивалась бы с нотами желания – в данном частном случае, желания гомоэротического. Я подозреваю, что подтекстом здесь послужила новелла Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1912), несмотря на яростно заявленную Набоковым неприязнь к этому произведению; у самопожертвования Иванова есть литературная предтеча – сходное самопожертвование австрийского писателя фон Ашенбаха, пытающегося спасти польского мальчика Тадзио от смерти. То, что именно эти различные виды любви и желания, а не просто идеологические, этические и религиозные убеждения, заставляют Иванова пойти на крайнюю форму самопожертвования, подчеркивает всю сложность мотиваций, таящихся за поступком Иванова. Набоков даже подразумевает мучительное чувство вины, испытываемое тем, кто выжил, уцелел; именно эти муки совести и памяти автор впоследствии сочтет ключевым аспектом миссии Тимофея Пнина: Пнин выжил, а Мира Белочкина погибла во время Катастрофы. Когда Иванов, спасая мальчика, тонет, то к различным чувствам, переживаниям, образам и ассоциациям, проносящимся в сознании героя, примешиваются и уколы вины: «...и так жаль было матери Давида, – и что ей сказать: я не виноват, я сделал все, чтобы его спасти, – но я дурно плаваю, у меня слабое сердце, и он утонул...» (ПСС, III, 600; *Stories*, 346-347).

¹³ О важности картографирования в описании физического и эмоционального состояния Иванова см.: *Shrayer M. D. The World of Nabokov's Stories*. Austin: University of Texas Press, 1998. P. 81-86.

¹⁴ Создавая портрет не вполне стереотипного еврейско-русского мальчика, живущего в Веймарском Берлине, Набоков выбрал имя Давид неспроста. В рамках библейской мифопоэтики оно напоминает о будущем царе Давиде, играющем на цитре перед страдающим от меланхолии царем Саулом; атлетичный и наивный юноша, будущий царь Давид пока что не ведает о своей грядущей судьбе: помзанности на царство и великой еврейской миссии.

Резюмируем: Набоков поручает своему идеализированному русскому представителю, юдофилу Иванову, миссию спасения еврейского мальчика Давида. Вся концовка рассказа являет собой модель спасения от полной ассимиляции, спасения Давида, тонущего в чужой культуре и рискующего утратить свое еврейство. В связи с этим попробуем по-новому взглянуть на последнюю, забываемую фразу рассказа. Ее стоит рассматривать не только в метафизическом, но и в историческом смысле – как предвестие. Рассказ завершается словами: «<...> и, шурясь от солнца, рыбак важно говорил, что только на девятый день волны выдадут тело» (ПСС, III, 601). По-видимому, имеется в виду тело Иванова, а «только на девятый день» предполагает прочтение в категориях православия: на третий, девятый и сороковой дни читаются особые поминальные молитвы по усопшим. (В патристике существуют различные толкования смысла и значения этих сроков¹⁵). Однако возможна также и иудейская интерпретация: «девятый день» может означать «девятый день месяца Ава», Тиша Б'Ав, иудейский священный день, приходящийся на июль или август, и отмечающий скорбью разрушение первого и второго Храма (а также уничтожение Иерусалима в 70 г. н. э. и конец восстания Бар Кохбы против римлян). Девятое Ава – у евреев день траура и поста. В этот день читают книгу пророка Иеремии, Книгу Плача. Таким образом, рассказ Набокова «Совершенство» можно толковать как плач в предчувствии утраты, и тело – это не только труп Иванова, но европейского еврейства, которому предстоит погибнуть в Холокосте. Сколько неевреев впоследствии поступят так, как поступает в рассказе праведный Иванов? Сколько христиан окажутся способными на такое самопожертвование во имя спасения евреев от уничтожения¹⁶?

* * *

Теперь мне хотелось бы обратиться к рассказу Набокова «Оповещение» («Breaking the News»), написанному в марте 1934 г. в Берлине, т.е. более года после захвата Германии нацистами и за полтора года до принятия Нюрнбергского кодекса (официально вступивше-

¹⁵ Согласно восточному теологу, «На третий день [душа] начинает восхождение, минуя небесные заставы, на которых ее поджидают легионы различных демонических духов». Именно это и подразумевает св. Иоанн Дамаскин, когда пишет о «князях воздушных» и «мытарствах». До девятого дня душе дано лишь издали и проблесками видеть Рай, уготованный тем, кто любил Господа и служил ему. На девятый день в православной церкви принято служить особую поминальную службу, поскольку считается, что с девятого по сороковой день душа видит адские мучения; это то самое «вечное проклятие», о котором пишет св. Иоанн Дамаскин. На сороковой день суд завершается и душа или получает возможность заглянуть в Рай (получить предвосхищение того, что будет во Второе Пришествие Христово) или в Ад». См.: *Hieromonk Dionysios State of the Soul after Death according to the Teachings of Saint John Damascene* [Электронный ресурс] // URL: <http://stmichaelacademy.org/theo/stjd.htm> (дата обращения: 20.10.2010).

¹⁶ Я благодарен Вере Полищук, обратившей мое внимание на важный новозаветный подтекст к концовке рассказа. В набоковском «Только тогда были сняты тусклые очки» слышится «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12) <курсив мой – М. Д. Ш.> Это особенно важно именно потому, что в сознании Иванова иудейские и христианские мотивы и цитаты нередко действуют комплементарно.

го в силу в сентябре 1935 г.) «Оповещение» являет собой разительный контраст как замыслу «Совершенства», так и более масштабной картине, которую Набоков задумает осуществить в «Даре», действие которого разворачивается в Берлине 1920-х гг.¹⁷

В тщательно продуманном примечании к «Оповещению», вошедшем в англоязычный сборник «[Русская] красавица и другие рассказы» (1973), Набоков пишет: «И среда, и тема «Оповещения» соответствуют обрисованным в рассказе «Знаки и символы», который был написан десятью годами позже на английском <...>»¹⁸. Это примечание служит своего рода узким висячим мостиком, перекинутым от набоковского творчества после Холокоста обратно в берлинские годы. И в то же время примечание Набокова проливает свет на некоторые поправки, изменения и добавления, внесенные автором в английский перевод. (Кстати, эти поправки созвучны с теми, которые Набоков вносил в свои берлинские рассказы, когда только начал переводить их на английский в 1940-е гг., первоначально совместно с Петром А. Перцовым. Они сводятся к более глубокой прорисовке исторического контекста, к более подробным разъяснениям. Некоторые детали опущены в ущерб изысканности и некоторой недоговоренности оригинала прояснены, но делается это всегда для того, чтобы добиться большей точности смысла, исторического контекста и фона¹⁹). Среди исправлений в тексте «Оповещения» были следующие: у Евгении Исааковны появляется фамилия, «Минц», и теперь старушка описана как «пожилая эмигрантская вдова» (*Stories*, 390), в то время как в русском оригинале она «всегда носила только черное» (ПСС, III, 610). Фамилию («Вильнер») получает и Владимир Маркович, первый муж Иды, близкой подруги или родственницы Евгении Исааковны. В русском эмигрантском контексте – и особенно в переводе – обе фамилии ярче подчеркивают еврейскую принадлежность персонажей. Кроме того, в английском переводе появляется точное время действия: март 1935 г. Рассказ был завершен и опубликован в 1934 г., так что в переводе Набоков исправил дату пост-фактум (или, выражаясь иначе, исторически перекалибровал). Чем вызвана такая перекалибровка?

Я думаю, что Набоков указал точную дату событий, чтобы подчеркнуть, что действие разворачивается именно в нацистской Германии. Выбор даты принципиально важен еще и потому, что в марте 1935 г. Германия начала выход из Версальского договора; 10 марта 1935 г. Геринг объявил, что Германия создает военно-воздушные войска, а 16 марта

¹⁷ Интересно, что Набоков указывает на некую генетическую, тематическую или историческую связь между рассказом «Оповещение» и романом «Приглашение на казнь»; в рассказе «Облако, озеро, башня» словосочетание «приглашение на казнь», ставшее заглавием романа, встречается в самом тексте. В «Оповещении» же слово «казнь» возникает, когда друзья Евгении Исааковны входят к ней в комнату, чтобы известить о смерти сына: «Сейчас начнется казнь» (ПСС, III, 614; *Stories*, 394).

¹⁸ Цит. по: *Stories*, 650.

¹⁹ О совместной работе Набокова с Петром А. Перцовым и правках, внесенных в английские переводы рассказов, см.: *Shrayer M. D. After Rapture and Recapture: Transformations in the Drafts of Nabokov's Stories // The Russian Review*. 1999. № 58 (October). P. 548-564; *Shrayer M. D. Nabokov: Letters to the American Translator // Agni*. 1999. № 50 (October). P. 128-145.

1935 г. Гитлер расторг Версальский договор. Более того, хотя антисемитский Нюрнбергский кодекс был официально провозглашен лишь 15 сентября 1935 г., весной этого же года он уже находился в стадии разработки. Предвестия Катастрофы висели в воздухе Германии.

Не только сама Евгения Исааковна, еврейско-русская вдова, которая теряет двадцатитрехлетнего сына (в английском переводе «ему не исполнилось и тридцати»), но и все представители ее окружения в рассказе маркированы как русские евреи: «Ида Самойловна» и ее сестра, «Шуфы», «Липштейн с матерью», «Оршанские», «мадам Томкина» и сам вестник «Борис Львович Чернобыльский». Однако все представители этой еврейско-русской эмигрантской «milieu», то есть среды (так ее обозначал сам Набоков в послевоенные годы в Америке) нигде в тексте рассказа впрямую евреями не названы. В тексте русского оригинала это бы прозвучало искусственно и нелепо, в то время как в английском варианте Набоков и его переводчик наделили персонажей типичными еврейскими фамилиями²⁰.

В рассказе речь идет о том, как знакомые ищут способ сообщить «идеально глухой» пожилой даме, что ее сын погиб (ПСС, III, 612; *Stories*, 392)²¹. Мы знаем, у Евгении Исааковны он был единственным ребенком, что звали его Миша, и что он работал в какой-то эмигрантской деловой конторе в Париже. Точные причины и обстоятельства его гибели читателю неизвестны: «...бедный молодой человек упал в пролет лифта с верхней площадки, – и еще после этого мучился сорок минут, был без сознания, но ужасно и непрерывно стонал – до самого конца» (ПСС, III, 610; *Stories*, 390). Невозможно исключить самоубийство из причин гибели еврейского юноши.

Когда Евгения Исааковна хочет проигнорировать кого-то или что-то, она отключает свой слуховой аппарат. Если Набоков и впрямь предупреждает своих еврейско-русских

²⁰ Набоков не был бы Набоковым, если бы он не испытывал неотразимое влечение затеять словесные игры в рамках, казалось бы, совсем не подходящей для игры темы. Почему он вводит в рассказ указание на «мартовские иды» (15-е марта, древнеримский праздник)? Анаграммы и каламбуры с фрагментами этих слов находим в именах персонажей: «Иды Самойловны» и ее первого мужа, «Владимира Марковича Вильнера»; «Ида» Самойловна с сестрой – в числе тех, кто явился навестить Евгению Исааковну. Кроме того, если внимательно искать в тексте еврейские отпечатки, нетрудно заметить бранное антисемитское слово «жид», скрытое в «жидких седых волосах» (ПСС, III, 611; *Stories*, 391) жены Чернобыльского или «парх» как фрагмент уничижительного эпитета «пархатый» в словосочетании «паршивый Париж» (ПСС, III, 611; *Stories*, 391) – именно так Чернобыльский отзывается о городе, где погиб юноша. Подозреваю, что эти словесные следы антисемитского предрассудка служат здесь определенной цели: подчеркнуть, на потаенном уровне, что набоковские русские еврей-эмигранты волей-неволей несут на себе бремя наследия русского антисемитизма. Не потому ли набоковские страницы забрызганы ли (замусорены) тем, что Федор Годунов-Чердынцев в «Даре» называет «мерзким вздором» (антисемитскими выпадами, намеками и шуточками отчима Зины Мерц), потому что Набоков стремится показать читателю, что персонажи-евреи буквально ходят по отпечаткам предрассудков? Эта рабочая гипотеза имеет нечто общее с подходом Эрика Наймана к эротической и сексуальной словесной игре в романе «Пнин» (см.: *Naiman E. Perversion in Pnin (Reading Nabokov Preposterously) // Nabokov Studies. 2002/2003. № 7. P. 89-117.*

²¹ В своем комментарии Юрий Левинг предполагает, что это оповещение перекликается с тем реальным скорбным известием, которое Набоков получил от друга своего отца, Иосифа Гессена, после убийства В.Д. Набокова в 1922 г. В таком случае «Оповещение», как и рассказ «Рождество», выворачивает драму сына, потерявшего отца.

читателей в эмиграции о надвигающейся катастрофе (в переводе слово «ужас», которое твердит Чернобыльский, превращено именно в восклицание «calamity», синоним слова «катастрофа», (Stories, 391; ПСС, III, 611)), то в глухоте Евгении Исааковны и ее ее методе выборочного пользования слухом (слуховым аппаратом) можно увидеть историческую аллегорию. Евреи в Германии, включая и русских евреев, не слышат или не слушают знамения времени. Им нужно бежать, пока еще есть возможность, спасаться самим, спасти детей. Вместо этого некоторые из них предпочитают отрицать происходящее или отчасти игнорировать кошмарный исторический контекст Третьего Рейха. Принадлежали ли к их числу Владимир и Вера Набоковы, которые все еще жили в Берлине в 1935 г., когда происходит действие рассказа, и оставались там вплоть до весны 1937 г., да еще и с маленьким сыном? Неужели и они до поры до времени игнорировали агонические знаки и символы на стенах истории?

При переводе Набоков добавил различные информативные подробности и детали, из которых складывается темная мозаика исторического фона рассказа. К примеру, фамилия вестника, Чернобыльский, намекает на нечто ужасное и зловещее. Разумеется, все это происходит задолго до катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции (1986 г.), заставшей для сегодняшних читателей историко-лингвистическое значение этой фамилии. Набоковские читатели-эмигранты должны были заметить в этой значимой фамилии по крайней мере две грани смысла: во-первых, географическое расположение городка Чернобыль в черте (еврейской) оседлости, и, во-вторых (и это особенно важно), значение «черная былль», то есть зловещая и страшная история вымышленного характера²².

Вернемся к сопоставлению рассказа «Оповещение» с романом «Дар», действие которого разворачивается в Веймарской Германии. Заметим, что в романе тоже гибнет, вернее, как нам доподлинно известно, именно кончает с собой молодой еврей. Однако идея *сальваториума*, спасительной памяти, развернутая в романе, и, конечно же светлое (пока еще) будущее главного героя романа Годунова-Чердынцева позволяют надеяться, что еврейский юноша Яша Чернышевский обретет (литературное, текстуальное) бессмертие. Из рассказа «Оповещение», читаемого на историческом фоне нацистской Германии, следует, что Набоков более не в силах защитить свой художественный мир и своих вымышленных еврейских родителей (в данном случае еврейку-мать) от потери детей. Как же оставаться милостливым сочинителем, становясь вестником беспощадной истории?

Кошмарные видения потери еврейских детей, и особенно размышления о еврейских родителях, теряющих сыновей, пересекают Атлантику вместе с самим Набоковым, достигая крещендо в рассказе «Знаки и символы». Сценарий гибели ребенка, особенно сына, присут-

²² Вера Полищук заметила, что здесь релевантно еще одно значение: «чернобыль» («чернобыльник») – название полевой полыни, указывает на «звезду Полынь», на Апокалипсис.

ствуует также в романе «Bend Sinister» (1947), из которого, как мне кажется, еврейскую тему следует вычитывать куда более целенаправленно, чем это делалось до сих пор²³.

После Второй Мировой войны тревожные раздумья Набокова о евреях разветвились, но не разделились окончательно. Американский Набоков стремится запечатлеть пароксизмы антисемитизма и попытки американцев отрицать или замалчивать Холокост – то, что он наблюдал и пережил лично в 1940-1950-е гг. Вот, например, какое наблюдение Набоков приводит в письме к Эдмунду Уилсону от 25 ноября 1942 г., делясь впечатлениями о прерванном лекционном туре по городам и весям: «Старик в «диванной» (на самом деле, уборной) пулмановского вагона. Многословно разглагольствует перед двумя приятными, сдержанными, не улыбочивыми солдатами-рядовыми. Главные слова в его речи: «Christ», «hell» и «fuck», которые завершают каждую его фразу. Жуткие глаза, черные от грязи ногти. Чем-то напомнил мне воинствующий тип русского черносотенца. Точно уловив мою мимолетную мысль, пустился в яростные нападки на евреев. «Они со своим зассанным отродьем». Потом плюнул в раковину и промазал на несколько дюймов»²⁴. Вспомните рассказ «Образчик разговора, 1945», а также роман «Лолита», содержащий немало намеков на американскую послевоенную ксенофобию и антисемитизм. Перешедший к концу 1940-х гг. на английский, отягощенный памятью о Холокосте, Набоков меняет свои повествовательные задачи с попыток спасения евреев на поиск этики выживания. Кроме того, он ищет и находит – что с особым совершенством удастся ему в романе «Пнин» – формулу сотворения искусства из утерянного багажа Русского Зарубежья. В этом багаже пепел европейского еврейства рассыпан по пожелтевшим страницам эмигрантской культуры, и Набоков не способен забыть еврейско-русских детей, даже если он уже не может их спасти от своих художественных замыслов.

* * *

В завершение позвольте поделиться впечатлениями о недавно выпущенном документальном фильме, посвященном ранним годам Набокова в Америке – в Бостоне и Новой Англии. Этот фильм, «Набоков: счастливые годы» («Nabokov: The Happiest Years», 2007), снят Марией Герштейн, а сценарий к нему написал Леонид Спивак. Оба автора фильма – эмигранты из России, живущие в Бостоне. Фильм «Набоков: счастливые годы» основан на дискурсивных отзывах самого Набокова о жизни, преподавании, писании книг и изучении бабочек в Бостоне и его окрестностях в 1940-е, в годы войны. Приложив руку к созданию фильма, я лично убедился, что зрителей, и особенно эмигрантов из бывшего СССР, назва-

²³ См., например, интересную работу *Sommers E.* The 'Right' versus the 'Wrong' Child: Shades of Pain in «Bend Sinister» and «Pnin» // *Nabokov Studies*. 2000/2001. № 6. P. 35-50.

²⁴ *Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940-1971 / rev. and expanded edition*, ed. Simon Karlinsky. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 98.

ние фильма весьма озадачивает. Разве враг не шел в это время по земле родины Набокова? Разве европейские евреи не гибли в Катастрофе? Разве сам Набоков не утратил свое русское литературное окружение? Как ответить на эти вопросы, не напомнив читателям и исследователям Набокова, что Набоков бежал не от культуры, но от истории? Бегство в Нью-Йорк на пароходе, увозившем еврейских беженцев из зараженной нацизмом Европы, прежде всего означало, что семья Набокова спасется, уцелеет, выживет. Первые годы Набокова в Америке наверняка были *счастливыми*, потому что он, новоиспеченный американский писатель и русский эмигрант, увез свою семью из европейского ада. Пожалуй никакая художественная проза ни на одном языке не в силах выразить счастье отца и христианина, спасшего еврея и сына.

Авторизованный перевод с английского Веры Полищук